

УДК 882(09)

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ЛУКИ В ДРАМЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

© 2012 г.

В.А. Ханов

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

vakhanov@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2011

Раскрываются фольклорно-мифологические истоки образа Луки в драме Горького «На дне». Выявляется противоречивость миропонимания горьковского героя. Устанавливается аллюзивная соотнесённость образа странника, с одной стороны, с образом апостола Луки, с другой – с образом лукавого, хитрого искусителя человеческих сердец. Рассматривается связь творчества писателя с национальной духовной культурой.

Ключевые слова: мифология, фольклор, истоки, аллюзии, христианское миропонимание, народные представления.

Образ Луки в драме Горького «На дне» в прежнем и современном горьковедении имеет противоположные трактовки. Одни исследователи считают Луку «шарлатаном гуманности», «лукавым успокоителем страждущих, жаждущих забвения во лжи» [1, с. 240]. С их точки зрения, «проповедник утешительных иллюзий приносит только вред» [2, с. 163]. Другие горьковеды утверждают, что «Лука создаёт в ночлежке атмосферу человечности» [3, с. 200] и что «его мораль целиком укладывается в границы христианской этики» [4, с. 13].

На наш взгляд, противоположность интерпретаций образа Луки обусловлена не только сложностью и противоречивостью связанных с ним проблем, но и неоднозначностью той фольклорно-мифологической основы, на которой он базируется. Прежде всего, по утверждению отдельных исследователей, Лука представляет в пьесе учение Христа, и его имя восходит к имени апостола Луки. К примеру, уже вскоре после публикации драмы «На дне» один из рецензентов писал: «Луку можно причислить к тем людям, которые «облика Христова суть» [5, с. 633]. В наши дни костылёвская ночлежка, её обитатели, в том числе и Лука, интерпретируются порой и таким образом: «Перед нами своего рода храм, какие-то катакомбы первых веков христианства, новозаветные персонажи: и разбойники, и блудницы, и врачеватель – апостол Лука, тёзка евангелиста» [6, с. 6]. Характерно, что подобное восприятие образа Луки имело место и во времена Горького. Так, один из современников писателя отмечал, что в берлинском Малом театре Лука был «представлен апостолом, изображён библейским проповедником» [7, с. 583].

Здесь необходимо заметить, что отношение Горького к образу Христа было весьма сложным и запутанным. М. Агурский, в частности, пишет: «В горьковской религиозной диалектике иногда трудно понять, кто Христос, а кто Антихрист, кто Бог, а кто Сатана. Они часто меняются местами» [8, с. 73]. «Великим еретиком» называет в итоге исследователь автора «На дне».

Не принимая многих идей христианства, Горький в драме «На дне» как бы моделирует ситуацию «явления» Христа и наделяет Луку христианским миропониманием, в итоге отвергая своего героя. Писатель показывает, как в конкретных жизненных обстоятельствах реализуются христианские заповеди, какую атмосферу они создают. Странник Лука, возможно, и не изучал тщательно Евангелие, но тем не менее он на него ссылается: «Христос-от всех жалел и нам так велел». Христианские убеждения старец впитал в себя вместе с окружающим его русским воздухом. Кроме того, о необходимости «жить по Евангелию» говорят, соглашаясь с Лукой, и другие действующие лица пьесы.

В драме «На дне» обращают на себя внимание уже первые слова нового постояльца ночлежки: «Доброго здоровья, народ честной!» На реплику Бубнова: «Был честной, да позапрошлой весной...» – он отвечает: «Мне – всё равно! Я и жуликов уважаю...» Для Луки все люди равны, все люди – братья. Говорит новый постоялец и о ценности любой человеческой жизни: «Человек – каков он ни есть – а всегда своей цены стоит»; «Человеком родился, человеком и помрешь»; «Всякого человека уважать надо». Все эти высказывания Луки уже позволяют считать, что его гуманизм есть гуманизм христианский. Ибо во всяком, даже падшем, он видит человека.

Во втором действии Лука ещё активнее проповедует гуманистическую философию жизни. Он утешает умирающую Анну, внушает Актёру, что тот может вылечиться от алкоголизма, советует Ваське Пеплу уйти в Сибирь, чтобы начать там новую жизнь. Давая добрые советы ночлежникам, Лука исходит из своего важнейшего убеждения: «Если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил». Причём это убеждение, связанное с верой в человека, с верой в слово, полное сочувствия и сострадания, Лука выражает неоднократно: «Человек – может добру научить»; «Человека приласкать – никогда не вредно»; «Не в слове – дело, а – почему слово говорится?» Во всём этом старец строго следует важному принципу, чётко выраженному в Библии: «Не удерживай слова, когда оно может помочь». Осознавая силу доброго слова, силу сочувствия, Лука стремится вселить в ночлежников веру, надежду, терпение. «Ты – надейся... Ты – верь!» – говорит он умирающей Анне. «А ты мне – поверь», – внушает он Пеплу. Во всём этом Лука также близок к своему евангельскому тезису, его вполне можно назвать достойным учеником Христа. Ведь именно Христос, вселяя в людей веру, исцелял сокрушённых сердцами. «Вера твоя спасла тебя, иди с миром» – одна из важнейших сентенций Христа (Лк. 8:48).

Утверждает Лука и необходимость терпения. «Потерпи ещё! – советует он Анне. – Все, милая, терпят... всяк по-своему жизнь терпит». То же самое говорит Лука и Актёру: «Возьми себя в руки и – терпи». Источником, к которому восходят эти советы старца, опять же может являться Евангелие: «Терпением вашим спасите души ваши» (Лк. 21:19). И ещё: «...претерпевший же до конца спасётся» (Мф. 10:22). Характерно, что в повести «В людях», обращаясь к проповеди христианского терпения, Горький с глубокой горечью пишет: «Ничто не уродует человека так страшно, как уродует его терпение, покорность силе внешних условий». В данном случае в драме «На дне» писатель наделил лукавого старца убеждением, которого сам в корне не принимал.

Важно и то, что ночлежники называют Луку «странником», сам же новый постоялец называет себя «проходящим», «странствующим». Но и Христос уподоблял себя страннику: «Был странником, и вы приняли меня» (Мф. 25:35). Странником предстаёт Христос и в народных легендах. «По народным сказаниям, – отмечает А.Н. Афанасьев, – Спаситель вместе с апостолами и теперь, как некогда – во время земной своей жизни, ходит по земле, принимая на себя страннический вид убогого» [9, с. 19]. Изображая Луку странником, Горький, по нашим

предположениям, снова аллюзивно соотносит его с Христом и его апостолами.

Примечательно, что второй акт сразу же после слов Сатина о том, что «мертвецы – не слышат, мертвецы не чувствуют», заканчивается следующей авторской ремаркой: «В двери является Лука». Очень симптоматично – является! Что это – явление нового Христа? Является «апостол Христа», который несёт христианское миропонимание. Здесь «явление» Луки закономерно, идейно оправдано: именно в третьем акте излагается суть его философии. Причём свои убеждения Лука выражает с помощью ярких афоризмов, притч, которые во многом свидетельствуют о связи его взглядов с христианским учением. Так, обращённые к Костылёву слова Луки «есть земля, неудобная для посева... и есть урожайная земля... что ни посеешь на ней – родит» явно близки к евангельской притче о сеятеле.

Значимо и то, что новый постоялец приходит в ночлежку утром. В связи с этим представляется важным значение имени – Лука. Разумеется, это имя, как уже было подмечено, восходит к имени апостола Луки. Но важно и то, что имя Лука образовано от латинского *lux* – светоносный, свет (в физике есть единица освещённости – люкс). В переводе на русский язык имя Лука означает «при восходе солнца родившийся». С этим значением имени старца перекликаются и творческие замыслы Горького времени создания пьесы. Так, в одном из писем периода работы над драмой он подчёркивал: «Мне очень хочется написать хорошо, хочется написать с радостью... Мне хочется солнышка пустить на сцену, весёлого солнышка, русского эдакого – не очень яркого, но любящего всё, всё обнимающего» [10, с. 147]. Любящим, всё обнимающим «солнышком» и предстаёт во многом Лука. Он призван, чтобы рассеять мрак ночи, наполнить костылёвскую ночлежку добротой и верой, теплом и светом. Хотя, как будет отмечено далее, «занятный старичишка» несёт в себе не только светлые, но и тёмные начала. В процессе развития действия он совершает поступки, которые получают далеко не однозначную оценку.

Считая, что все люди – братья, что «всяк по-своему жизнь терпит», Лука говорит о необходимости жалости, сострадания: «Человека приласкать – никогда не вредно...»; «Жалеть людей надо!» Ссылается Лука и на Евангелие: «Христос-от всех жалел и нам так велел». И тут же рассказывает о двух беглых каторжниках, которых пожалел и тем самым исправил, спас. По мысли Луки, особенно следует жалеть, уважать детей: «Особливо же деток надо уважать...

Деткам-то жить не мешайте.. Деток уважьте!» Непосредственным источником подобных суждений старца, возможно, тоже является Евангелие: «Пустите детей приходить ко Мне, и не возбраняйте им; ибо таковых есть царствие Божие» (Лк. 18:16).

Необходимо особо подчеркнуть, что Лука, заключая свой рассказ о двух беглых каторжниках, призывает ночлежников быть милосердными, не воздавать злом за зло, то есть в принципе предпочитать гуманизм нормам закона: «Хорошие мужики! Не пожалей я их – они бы, может, убили меня... А потом – суд, да тюрьма... что толку? Тюрьма – добру не научит... человек – может добру научить». В схожей ситуации Сатин занимает прямо противоположную позицию: «Не обижай человека! А если меня однажды обидели и – и на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому». В частности, Сатин не может простить обидчика своей сестры. «Убил подлеца в запальчивости и раздражении, – признаётся он. – Из-за родной сестры».

Данные высказывания горьковских героев, в которых отражается суть их жизненных позиций, в своём художественном бытовании прямо обращены к одному из основных положений Нагорной проповеди Христа, где чётко прослеживается разграничение Закона и новой этической концепции духовного бытия человека – Благодати: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:43).

Исследователь С.Н. Пяткин, обращаясь к данной проблеме драмы «На дне», справедливо отмечает: «Художественно-философским сосредоточием сюжета пьесы «На дне» является противопоставление двух систем этических координат: самоутверждение в земной жизни и духовное спасение. Мифопоэтической моделью сюжета горьковской драмы является историко-софская оппозиция Закона и Благодати <...> С образом Луки связано евангельское благоговение» [11, с. 282].

Однако в изображении Горького именно терпению, милосердию, но не истине отдаёт Лука предпочтение. «Правды он... не любил, старик-то. Очень против правды восставал», – говорит о Луке Клещ. Разумеется, примитивным лжецом, а тем более фарисеем горьковского героя не назовешь. Да и художественный материал пьесы сопротивляется подобному приговору. Вместе с тем «занятный старичишка» считает, что правда может явиться обухом

для человека. «И чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! – заявляет он Ваське Пеплу. – Она, правда-то, может, обух для тебя». Лука вообще уверен, что «не всегда правдой душу вылечишь», и рассказывает ночлежникам историю о человеке, поверившем в «праведную землю». Вера поддерживала человека в тяжёлые минуты жизни. Правда учёного, разрушившего веру в эту землю, убила его. Идейный смысл притчи заключается в том, что правда не нужна, ею не проживешь, она убивает.

Лука обращается ко лжи во имя спасения ночлежников. По справедливому утверждению О.С. Сухих, «Лука убеждает босяков в существовании того, во что им, по мнению старца, полезно будет верить. При этом неважно, существует ли в реальности то, во что предлагается верить» [12, с. 59]. В частности, «праведная земля», о которой рассказывает Лука, зиждется только на вере в её существование и больше ни на чём. Да и рассказ «занятого старичишки» убеждает, что «праведной земли» нет. В четвёртом акте Клещ, принявший участие в обсуждении речей старика, заявляет: «Поманил куда-то ... а сам – дорогу не сказал». Про дорогу спрашивал Луку и Актёр. Но города, в котором находится бесплатная лечебница для алкоголиков, старец так и не назвал.

Одним словом, Горький постоянно даёт понять, что Лука сознательно обманывает ночлежников. Да они и сами в большинстве понимают, что выход, предлагаемый странником, нереален. Так, Пепел говорит о Луке: «Врёшь ты хорошо... Ври, ничего <...> Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казённый счёт». О том, что Лука лжёт, заявляет и Сатин: «Он врал... но это из жалости к вам».

Прямое отношение к притче Луки о «праведной земле» имеет стихотворение Беранже, которое во втором акте читает Актёр. Если мир не знает, куда идти и как жить, то да здравствует ложь безумцев, которые лгут во спасение: «Господа! Если к правде святой / мир дорогу найти не умеет, / честь безумцу, который навеет / человечеству сон золотой!»

Актёр декламирует эти стихи в пустом подвале, где лежит только что скончавшаяся Анна. У мёртвого тела Анны, не знавшей радости в жизни, эти стихи приобретают страшный смысл, к чему и стремился Горький. Они звучат как злая ирония над человеком, который рождается только затем, чтобы обрести счастье в смерти. Ведь, по сути дела, именно Лука «навал» Анне «золотой сон», сон загробной жизни, когда утверждал, что смерть для людей «как мать малым детям». Вот поэтому Пепел и называет Луку «старцем лукавым»: «Что, Лука, ста-

рец лукавый, всё истории рассказываешь?» Для Барона же Лука – «шельма», «шарлатан». Сам же Горький ещё в процессе работы над пьесой называет Луку «сиреной», которая «поёт ложь из жалости к людям» [10, с. 240]. В драме он ставит вопрос: «Что лучше: истина или сострадание? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука?» Главное в убеждениях Луки, по мысли автора, это терпение, сострадание. Вот поэтому Лука для Горького – «представитель сострадания и даже лжи как средства спасения» [13].

Стремясь развенчать сострадание Луки, основанное на лжи, Горький обращается к богатому арсеналу фольклорно-мифологического творчества. Но в этом случае его взгляд обращён к отрицательным персонажам библейской и славянской мифологий, что хорошо проявляется и в поведении Луки, и в его номинациях, играющих важную роль в создании художественного образа в пьесе. Показательны в этом отношении уже отмеченные номинации героя: «старец лукавый», «шельма», «шарлатан». В чём же заключается их смысл?

Раскрывая значение слова «лукавый», В.И. Даль отмечает, что это хитрый, скрытный, противоречивый человек. Слово «шельма» тоже обозначает хитрого, плутоватого человека. Шарлатан – обманщик, плут, тот, кто морочит людей. Значение существительного «лукавый» – это бес, дьявол, сатана, нечистый дух. По мифологическим представлениям, бес, чёрт связан с неправдой, обманом. Так, А.Н. Афанасьев, отмечая, что в некоторых народных преданиях чёрту родственны небесные карлики, характеризуя их, пишет: «Из способности карликов менять свои образы возникли представления о их наклонности к обольщению или обморачиванию смертных <...> В народном сознании лукавые, скрытные карлики получили характер духов необыкновенно хитрых, изворотливых, всегда готовых на обман» [14, с. 726]. Как «старец лукавый», готов идти на обман и горьковский герой Лука. Связь лукавого с неправдой, обманом отмечают и народные пословицы, которые приводит В.И. Даль: «Правдивому мужу лукавство не под руку»; «Вся неправда от лукавого» [15, с. 272]. Отмечает В.И. Даль и пословицу, связанную непосредственно с именем Луки: «Нашему Луки и чёрт с руки, что значит – Луке и чёрт свой» [16, с. 597].

Заметим, что «шельмой», а значит хитрым, плутоватым человеком босяки называют и хозяина ночлежки Костылёва, который, подобно Луке, считает, что «не всякая правда нужна». «Шельма ты, старец», – говорит Костылёву Актёр. Тем самым Горький сближает Луку с хо-

зяином ночлежки. Костылёв, как и «старец лукавый», любит порассуждать о «благости сердца», о «воздаянии за страдания» и является, с точки зрения автора, своего рода «двойником» Луки. Порой Костылёв, как и «занятный старичишка», обращается к ночлежникам со словами «милочек», «браточек».

Однако в отличие от речей Луки, рассуждения Костылёва о «доблести сердца», его заявления о любви к ближнему («я вас всех люблю») самым тесным образом связаны со стремлением к личной выгоде, наживе. Лука же, сочувствуя босякам, давая им добрые советы, не ищет выгоды.

Вместе с тем следует заметить, что порой в лукавом старце бескорыстие соседствует с определённым расчётом. В частности, в рассказе о беглых каторжниках, которым Лука помог ласковым словом, он заявляет «Не пожалей я их – они бы, может, убили меня... али ещё что». Луке, таким образом, свойственна затаённая хитрость.

По словарю В.И. Даля, лукавый – это не только хитрый, скрытный, но и двуличный, криводушный человек. В поведении Луки порой действительно проявляются эти качества, что объясняется стремлением Горького «снизить» образ героя. Так, смертельно больная Анна, мало видевшая внимания к себе, сразу выделяет Луку из числа ночлежников: «...на отца ты похож моего... на батюшку... такой же ласковый, мягкий...» На это Лука заявляет: «Мяли много, оттого и мягок... (Смеётся дребезжающим смехом)». Тут всё дело в ремарке, точнее, в слове «дрезжащим». «Дрезжащий смех» Луки по своей эмоциональной окрашенности резко контрастирует с открытостью, искренностью Анны. Лука как бы сам не уверен в том, что он ласковый и мягкий.

В этом отношении важен и другой эпизод. В разговоре с новым постояльцем Наташа называет его добрым дедушкой: «Добрый ты, дедушка... Отчего ты – такой добрый?» Лука отвечает: «Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли так». Здесь Лука как бы снова выражает сомнение в своей доброте.

Показательна и следующая сцена. Умиравшая Анна желает знать, неужели и на том свете ей придётся мучиться: «Неужто и на том свете мука мне назначена? Неужто и там?» Лука отвечает: «Ничего не будет! Отдохнешь там! (Встаёт и уходит в кухню быстрыми шагами)». То, как Лука быстро уходит от Анны, жаждущей сочувствия, снова свидетельствует о его неискренности. Своим ответом и быстрым уходом он как бы отмахивается от больной женщины.

И ещё один пример. Той же Анне Лука советует: «Ты – с радостью помирай, без тревоги...»

Но Анна вдруг выражает слабую надежду на выздоровление: «А... может... может, выздоровлю я?» Ответ Луки, выражающий иронию (о чём свидетельствует ремарка), вступает в контраст с затаённой мечтой умирающей: «Лука (усмехаясь). На что? На муку опять?» Встретив сочувствие Луки, Анна расхотела умирать: «Ну... ещё немножко... пожить бы... немножко! Коли там муки не будет... здесь можно потерпеть... можно!» Так или иначе, но такое поведение Анны свидетельствует о поражении «лукавого старца». Навевал-то он умирающей «сон золотой», смерть, а она такого «сна» не захотела, жить пожелала. Заметим, что как поражение проповедей Луки рассматривал его разговоры с Анной горьковед Б. Бялик [2, с. 164].

По признанию Горького в очерке «Лев Толстой», автор «Войны и мира» Луку оценивал неодобрительно: «Старик у вас – несимпатичный, в доброту его – не веришь». Приведённые примеры говорят о том, что драматург тоже не очень доверял Луке. Есть у него на этот счёт и прямые высказывания. Так, в уже названном очерке Горький пишет: «Все русские проповедники, за исключением Аввакума и, может быть, Тихона Задонского, – люди холодные, ибо верой живой и действенной не обладали. Когда я писал Луку в «На дне», я хотел изобразить вот именно такого старичка: его интересуют «всякие ответы», но не люди; неизбежно сталкиваясь с ними, он их утешает, но только для того, чтоб они не мешали ему жить».

Горького не устраивала «утешающая ложь», которую Лука использовал как главное оружие в подходе к людям. Своё недоверие к Луке автор и попытался выразить системой ремарок, раскрывающих характер героя, его поведение. Важную роль в создании образа старца играют и уже отмеченные номинации персонажа, которые не только называют, но и раскрывают в нём нечто важное, существенное.

Характерно, что имя «занятого старичишки» не только сходно с именем евангелиста Луки, но и созвучно слову «лукавый» – одному (как уже было сказано) из многих названий сатаны. В четвёртом действии драмы ночлежники, обсуждая исчезнувшего Луку, прямо сравнивают его с лукавым: «Исчез от полиции... яко дым от лица огня... Тако исчезают грешники от лица праведных!» По мифологическим представлениям дым и туман связаны с лукавым, чёртом. Так, в одной из загадок дым прямо уподоблен чёрту: «Чёрт голенаст, выгибаться горазд». А.Н. Афанасьев отмечает, что во многих преданиях черти, превращаясь в тонкий дым, мгновенно исчезают [17, с. 100]. Он же пишет: «Как представитель легко изменчивых облаков

и туманов, чёрт может превращаться <...> Черти вечно бродят по свету и отличаются неустанной, беспокойной деятельностью» [18, с. 12]. Неустанной, беспокойной деятельностью отличается и Лука. Он во всё «мешается», «людей мутит». По словам Сатина, Лука «проквасил» всех ночлежников.

В связи с тем что Лука «людей мутит», важным является вопрос о самоубийстве Актёра. Некоторые горьковеды утверждают, что в смерти Актёра виноват именно Лука. Так, Ю. Юзовский в своё время писал: «Актёр доверился Луке, покорно, как ребёнок, дал себе повязать на глаза повязку «возвышающего обмана». Когда эта повязка спала, было уже поздно, он не мог пережить своего разочарования и покончил с собой» [19, с. 114]. Из высказываний Горького о своей пьесе можно предположить, что и он думал так же. В частности, в одном из писем он отмечает: «Актёр верит, что где-то на свете есть бесплатная лечебница для алкоголиков, и он живёт этой надеждой до четвёртого акта – до смерти надежды в его душе» [10, с. 241]. Надежда покидает Актёра, он понял, что обманут. Поэтому, рассматривая мифологический аспект драмы, следует заметить, что Лука, как лукавый, бес, мог действительно спровоцировать Актёра на самоубийство. В народных верованиях черти постоянно вмешиваются в жизнь людей, толкая их на преступления, самоубийство [19, с. 625].

Но таким был авторский замысел сюжетных взаимоотношений Луки и Актёра. Художественная же правда этих образов позволяет считать, что если старец и подтолкнул Актёра к самоубийству, то только тем, что мысль о произошедшей с ним катастрофе стала преследовать Актёра на каждом шагу, что осознание бессмысленности прозябания на «дне» впервые остро ожгло его душу.

Развенчивая Луку, который в процессе развития событий совершает как привлекательные, так и отталкивающие поступки, Горький идёт порой на его откровенную дискредитацию. «Эта дискредитация, – указывает О.С. Сухих, – выразилась, например, в неожиданном сюжетном ходе в конце третьего действия. Здесь исчезновение Луки не представляется логичным с точки зрения его характера и предшествующих поступков. Ведь Луке, никак не причастному, в отличие от Сатина, к преступлению Пепла, нечего опасаться расследования» [12, с. 67]. В таком поступке старца снова можно увидеть аллюзию на лукавого, беса. А.Н. Афанасьев отмечает, что по народным представлениям лукавый, бес «может внезапно появиться и исчезнуть» [18, с. 11]. Именно невесть откуда при-

шедшим и пропавшим неизвестно куда предстаёт в драме Лука.

Несмотря на неоднозначное, чаще всего отрицательное отношение Горького к своему герою, ему все же не удалось сделать лукавого старца «вредоносным» утешителем. Сам он по этому поводу в статье «О пьесах» писал: «Есть ещё весьма большое количество утешителей, которые утешают для того, чтобы им не надоедали своими жалобами... Утешители этого рода самые умные, знающие и красноречивые. Они же поэтому и самые вредоносные. Именно таким утешителем должен был быть Лука в пьесе «На дне», но я, видимо, не сумел сделать его таким».

Итак, художественная правда образа Луки в некоторых аспектах противоречит творческому замыслу писателя. Сложность, неоднозначность авторского отношения к Луке проявилась уже в самом обращении Горького к прямо противоположным образам фольклорно-мифологического творчества как одному из идейных истоков драмы. С одной стороны, высказывания Луки перекликаются с учением Христа, и его образ ассоциируется с образом апостола Луки. Новый постоялец ночлежки проповедует веру, терпение, сострадание, любит людей и стремится хоть чем-то помочь им. С другой стороны, образ загадочного старца содержит аллюзии на лукавого, хитрого искусителя человеческих сердец, и все предлагаемые им пути выхода со «дна» жизни оказываются в итоге ложью, обманом. Неразрешимая двойственная сущность образа Луки объясняет появление самых противоположных его интерпретаций, позволяет раскрывать в нём всё новые и новые оттенки смысла.

Список литературы

1. Воровский В.В. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1971. 574 с.
2. Бялик Б.А. Судьба Максима Горького. М.: Худож. лит., 1968. 390 с.
3. Кузьмичёв И.К. «На дне» М. Горького. Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. 223 с.
4. Сарычев В.А. Люди и человеки. Идея пути в творческом сознании Максима Горького // Литература в школе. 2008. № 7. С. 7–14.
5. Адрианов С.А. «На дне» Максима Горького // Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХТИ, 1997. 896 с.
6. Турбин В. Дни на дне // Литературная газета. 1990. 1 августа.
7. Кугель А. Лукавая правда // Театр и искусство. 1903. № 31.
8. Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 62–65.
9. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск: Наука, 1990. 270 с.
10. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Худож. лит., 1954. Т. 28. 600 с.
11. Пяткин С.Н. К вопросу о мифопоэтической модели сюжета пьесы М. Горького «На дне» // Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения.: Горьковские чтения – 2000. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2002. С. 280–286.
12. Сухих О.С. Горький и Достоевский: продолжение «Легенды...» Н. Новгород: Изд-во КиТиздат, 1999, 143 с.
13. Неманов В. Беседа на пароходе с Максимом Горьким // Петербургская газета. 1903. 15 июня.
14. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1868. Т. 2. 788 с.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 780 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. 683 с.
17. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1865. Т. 1. 800 с.
18. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1869. Т. 3. 840 с.
19. Юзовский Ю. «На дне» М. Горького. М.: Худож. лит., 1968. 144 с.
20. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 720 с.

FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL SOURCES OF LUKA'S IMAGE IN M. GORKY'S DRAMA «THE LOWER DEPTHS»

V.A. Khanov

Folklore and mythological sources of Luka's image in M. Gorky's drama «The Lower Depths» are examined. The contradictory nature of the world outlook of Gorky's character is revealed. This character's allusive correlation with both the image of the apostle Luke, on the one hand, and with the image of the sly, cunning tempter of human hearts, on the other hand, is established. The connection between the writer's work with the national spiritual culture is considered.

Keywords: mythology, folklore, origins, allusions, Christian worldview, popular perceptions.